

ГЛАВА 1

Эдди

Понедельник, 22 июня

— **М**ы правда будем это смотреть? Мейв приподнимает пульт и округляет глаза. Этот спектакль меня только нервирует, ведь она прекрасно знает, что мы действительно собрались это посмотреть. Именно поэтому мы просиживаем штаны перед телевизором в погожий летний денек.

— Сама же меня позвала, — замечаю я, выхватывая у Мейв пульт, пока она не запустила им через всю комнату. Включаю телевизор, затем перебираю каналы, пока не нахожу нужный. — Я бы и дома чудесно посидела.

— После таких просмотров тебе не бывает «чудесно», — подает голос Бронвин с противоположного края невероятно мягкого дивана.

В медиакомнате сестер Рохас гораздо удобнее смотреть телевизор, чем у меня в гостиной. Нулевая вероятность того, что к нам заглянет моя мать — приятный бонус. Правда, я не подумала, что вдобавок к приятным условиям просмотра получу лошадиную дозу заботы. Пару недель назад Бронвин вернулась на лето из Йеля и сразу попыталась взять надо мной шефство, как будто мне мало одной старшей сестры с командирскими замашками.

Нет, я не жалуясь. Я скучала по разговорам с ней в общем чате Четверки из Бэйвью, который явно пора

переименовать, поскольку нас уже девять: я, Бронвин, Нейт Маколи, Мейв и ее парень Луис Сантос, Купер Клей, Крис Бекер, а еще Фиби Лоутон и Нокс Майерс — они вместе с Мейв перешли в выпускной класс. В этом чате сплошь парочки, за исключением меня и последних двоих. Хотя, возможно, выбиваюсь я одна, так как заверениям Фиби и Нокса, что они просто друзья, никто до конца не верит.

Как насчет «Команды Бэйвью»? Я беру телефон и переименовываю чат. Вроде неплохо.

— Что за мужик? — Мейв, прищурившись, вглядывается в экран телевизора. — Он, наверное, сейчас приведет...

— Нет, — обрываю ее я. — Это не репортаж из «Истленд-Хай». Он начнется в три. А это... Если честно, понятия не имею.

— Заседание городского совета, — подсказывает Бронвин. Еще бы ей не знать — наверняка смотрит подобное на досуге, чтобы развлечься. — Похоже, завершается голосование по бюджету.

— Как увлекательно. Ладно, по крайней мере, важно. — Мейв водружает ноги на журнальный столик, но, немного не рассчитав, морщится, ударившись голыми пятками о мрамор. — Это хотя бы достойно эфира. В отличие от...

— Мы смотрим местное кабельное, — напоминаю я. — Выбор сюжетов у них так себе.

Мой голос спокоен, однако сердце тревожно стучит, и я разрываюсь между желанием остаться одной и благодарностью за то, что рядом друзья. Мужчина, чье выступление мы смотрели, объявляет об окончании заседания. Экран темнеет, звучит музыкальная вставка между передачами. Мы с Бронвин и Мейв пару мгновений сидим молча, слушая нечто похо-

жее на чересчур задорную инструментальную версию «Девушки из Ипанемы».

Затем на экране появляется наполовину заполненная аудитория и надпись внизу: «Летние семинары в старшей школе „Истленд-Хай”». Бронвин тут же срывается с насиженного места и крепко меня обнимает.

— Ой! Ты чего? — бормочу я, уронив телефон на подушку.

— Мы с тобой, Эдди! — с жаром шепчет она.

Меня окутывает неизменный аромат зеленых яблок: Бронвин пользуется этим шампунем, сколько я ее помню. А может, и дольше, ведь она — ходячий набор привычек. Как-то раз, когда Нейт особенно переживал из-за отношений на расстоянии, я подарила ему бутылочку этого шампуня, украсив большим красным бантом. Нейт вышел из себя, ради чего все и затевалось, — забавно порой сбивать с него маску «круче меня только яйца», — но подарок забрал.

— Ну разумеется, — бормочу я, выплюнув попавшую в рот прядь волос, а затем обнимаю Бронвин в ответ, потому что на самом деле мне этого не хватало.

— Добрый день, «Истленд-Хай», и добро пожаловать на наш первый летний семинар!

Мужчина за кафедрой не представляется — видимо, его и так знают. Наверное, учитель или директор. Подростки, за чьи умы он в ответе, выглядят на сотни лет младше, чем себя ощущаю я, хотя девятнадцать мне стукнуло всего-то пару месяцев назад.

— Вы посмотрите, какие трудяги! Учеба закончилась две недели назад — а они опять тут как тут! — комментирует Мейв, пока мужчина продолжает озвучивать всякие, как назвала бы это директор Гупта, «бытовые мелочи» — всевозможные объявления, которые нужно впихнуть перед началом школьного мероприятия. — Старая добрая

«Истленд-Хай»! Помнишь, Бронвин, как ты подстерегла Сэма Бэррона у них на парковке?

— Не то чтобы подстерегла... — возражает Бронвин, хотя технически так оно и было.

Впрочем, я назвала бы это необходимой мерой. Сэм — парень, который по наущению Саймона Келлехера отвлек нас, когда мы отбывали наказание после уроков, — стал ключом к разгадке таинственной гибели Саймона. Такой скандальной и леденящей душу истории наш городок еще не видел. До тех пор, пока несколько месяцев назад подражатель Саймона не запустил зловещую игру «Правда или Вызов», из-за чего мы чуть не взлетели на воздух на предсвадебном ужине моей сестры.

Временами я всерьез задумываюсь, почему никто из нас еще не уехал из Бэйвью.

— Я всего лишь расспросила его. В мягкой форме, — оправдывается Бронвин. — И правильно сделала, иначе... — Она осекается, потому что наши телефоны начинают синхронно жужжать.

Пока я тянусь за своим, Мейв сообщает:

— Чат «Четверки из Бэйвью» ожил!

— Думаю, пора переименоваться в «Команду Бэйвью», — говорю я.

— Не возражаю, — пожав плечами, отвечает Мейв. — Крис пишет: «Держись, Эдди!» А еще спрашивает, заглянешь ли ты к нему завтра утром на бельгийские вафли, как договаривались. К слову, я тоже люблю вафли, если вдруг кому-то есть до этого дело. А Луис пишет: «Да пошел он!» Не про Криса, конечно, это он про...

— Понятно, — отмахиваюсь я.

Мужчина за кафедрой поднимает руку, чтобы унять охвативший аудиторию нетерпеливый гул.

— Мы, организаторы летних семинаров в «Истленд-Хай», прекрасно понимаем: есть много других спо-

собов провести столь чудесный июньский день. Однако вы здесь, и это доказывает, что наша сегодняшняя тема чрезвычайно важна.

— Важнее некуда, — бормочет Мейв, убирая за ухо выбившуюся прядь.

Волосы Мэйв такие же темно-каштановые, как у Бронвин, но недавно она сделала эффектную стрижку — небрежный боб. В детстве она поборола лейкемию и первые годы в старшей школе провела в попытках выйти из тени старшей сестры. На мой взгляд, окончательно она нашла свой стиль именно сейчас, когда перестала завязывать волосы в фирменный «бронвинский» хвост.

— Тс-с-с! — шипит Бронвин на сестру и наконец выпускает меня из объятий.

— Мы, руководители «Истленд-Хай», хотим вдохновить вас на новые мечты и свершения и в то же время подготовить к суровым реалиям жизни, — продолжает мужчина за кафедрой. — Те решения, что вы примете сейчас, в старшей школе, определяют траекторию вашей будущей жизни на годы вперед, и неверный выбор может привести к губительным последствиям.

— Значит, теперь это так называется? — вклинивается Мейв. — «Неверный выбор»?

— Мейв, ради бога... — начинает Бронвин.

— Тихо! — рявкаю я.

Сестры испуганно замолкают. Мне стало бы стыдно за столь неоправданный выпад, которого ни одна из подруг не заслуживает, не превратись я в гигантский комок нервов. Еще пара мгновений, и я увижу...

— Никто не понимает это лучше, чем наш сегодняшний гость. Он приехал сюда благодаря программе учебного сотрудничества с Калифорнийским управлением исправительных учреждений, чтобы честно расска-

зять о том, как собственноручно лишил себя светлого и перспективного будущего. Итак, поприветствуем нашего гостя — бывшего ученика соседней школы «Бэйвью-Хай», а ныне заключенного тюрьмы для несовершеннолетних «Ист-Креншоу» — Джейка Риордана!

Бронвин сжимает мою руку, Мейв порывисто вздыхает, но в остальном — тишина. Впрочем, неважно. Заговори они сейчас, я все равно не услышу — так громко стучит в ушах кровь.

Джейк Риордан.

Мой бывший. Долгое время я любила его без памяти — слишком наивная и не уверенная в себе, чтобы понять, с кем имею дело. Я знала, каким ревнивым он бывает, и если тогда меня спросили бы напрямую — Впрочем, никто, кроме моей сестры Эштон, этого не делал, — я, возможно, признала бы, что Джейк меня контролирует. Но я и представить не могла, что, узнав о моей измене, он вступит в сговор с Саймоном и выставит меня убийцей, а когда я попытаюсь его разоблачить — чуть меня не задушит.

Ах да. По словам его дорогущей адвокатессы, Джейк на самом деле не хотел меня убивать. «Отсутствие прямого умысла» — так она это назвала, а потом наплела еще кучу юридических словечек, добившись того, чтобы подзащитного не судили по взрослой статье.

В то время многие сочли этот процесс фарсом, особенно после того, как Джейка приговорили к заключению в тюрьме для несовершеннолетних до тех пор, пока ему не стукнет двадцать пять. Все зло, что он причинил — не только мне и моим друзьям, но и Саймону, — свелось к смехотворным семи с половиной годам за решеткой. Газеты пестрели заголовками вроде «Подкуп очевиден!», активисты составили с полдюжины онлайн-петиций, требуя более сурового приговора...

Увы, память у людей короткая.

С самого начала Джейк прослыл образцовым заключенным, а в прошлом декабре стал героем документального шоу о преступниках, где его выставили, по словам репортера «Бэйвью блейд», «в неожиданно выгодном свете». Джейк вел себя образцово. Сожалел о содеянном. *Стремился помочь другим молодым людям избежать тех же ошибок.* А затем, в апреле, недели через две после свадьбы моей сестры, объявился Присяжный N.

Точнее, его бывшая девушка — она призналась, что во время суда над Джейком получила от одного из присяжных множество сообщений о ходе дела. Оказалось, Присяжный N постоянно пересылал ей конфиденциальную информацию и посещал новостные сайты, которые ему видеть не полагалось. Когда скриншоты переписки появились на сайте BuzzFeed, Присяжный N запаниковал, попытался стереть историю браузера, солгал под присягой и, по сути, организовал юристам Джейка лазейку, чтобы потребовать новое слушание.

Через несколько недель после того, как новость получила огласку, умельцы вычислили, что Присяжного N зовут Маршалл Витфилд. Как только его личные данные попали в открытый доступ, он залег на дно, и я даже пожалела бы беднягу, не подбрось он мне такую свинью.

Теперь судебный процесс возобновлен, а Джейк тем временем участвует в программе, которую Мейв в шутку окрестила «Тур покаяния Джейка Риордана». Его визиты в школы не всегда показывают по телевизору, зато когда показывают... Я смотрю. Ничего не могу с собой поделывать.

— Видок у него кошмарный, — глядя на экран, отмечает Мейв.

Тут я бы поспорила. Джейк выглядит старше своих девятнадцати, но его это не портит. Он по-прежнему хо-

рош собой: каштановые волосы коротко подстрижены, пронзительно-синие, как летнее небо, глаза сверкают на сильно побледневшем лице. Он явно тренируется еще усерднее, чем раньше, и даже бесформенная роба цвета хаки не может этого скрыть.

Под жидкие аплодисменты Джейк поднимается на кафедру — голова опущена, руки сцеплены в замок. Никаких наручников, разумеется. Только не в школе. Хотя сбоку на складных стульях сидят трое вооруженных полицейских, готовых в любой момент уладить неприятности.

Впрочем, Джейк никогда не доставляет им проблем.

— Я пришел рассказать вам о худших днях моей жизни, — произносит он тихим, серьезным голосом.

Обычное начало. Затем, держась за край трибуны и устремив взгляд на школьников, он рассказывает о худших днях *моей* жизни.

Ума ему не занимать. Он много говорит о *моральном давлении, дурном влиянии и принуждении*, словно был марионеткой Саймона, а не ревностным сообщником. Послушать Джейка, так он даже не помнит, как напал на меня и Джону Варгас в лесу за ее домом! *Я всего лишь хотел, чтобы они перестали мне угрожать*, заявил он на суде. Это мы-то угрожали?! Общественность не слишком повелась на эту сказочку, так что во время бесед со школьниками Джейк старательно обходит скользкую тему. Стоит кому-то упомянуть меня, и он сразу заводит шарманку о том, как его неверные решения навредили людям. Особенно ему самому.

В ноябре будет два года со злополучного вечера в лесу. С тех пор случилось много хорошего: я переехала к сестре, завела новых друзей, окончила школу. Затем я взяла небольшую паузу, чтобы понять, чем хочу заниматься дальше, и, наконец, решила связать свое будущее с преподаванием. Месяц назад я получи-

ла первый в жизни загранпаспорт, и в конце июля мы с Мейв летим в Перу, чтобы в качестве носителей языка поработать с детьми, изучающими английский. После этого я начну подавать заявления в колледжи. Даже мой отец, которому по-прежнему как нельзя лучше подходит эпитет «приходящий», внезапно предложил помощь с оплатой учебы.

Час Икс, когда Джейка освободят, казался мне достаточно далеким, чтобы поверить: к тому времени я буду готова, стану старше и умнее и моя насыщенная жизнь, полная важных дел, вряд ли позволит мне долго заморачиваться из-за выхода на свободу жалкого бывшего.

До недавних пор мне не приходило в голову, что часики можно перевести.

— А что об этом думает Эли? — интересуется Мейв, пока Джейк продолжает свой идеально заученный монолог. Муж моей сестры возглавляет некоммерческую юридическую организацию, поэтому он наш бессменный эксперт по всему, что касается криминала. Правда, как Эли не раз напоминал всей нашей Команде Бэйвью, чаще всего мы внимаем его советам, когда уже слишком поздно. — По его мнению, Джейка снова будут судить? Или отпустят? Или...

— Эли сейчас думает только о том, кто подменит его на работе во время отпуска по уходу за ребенком, — напоминаю я.

Из-за неожиданной беременности моей сестры Эштон — рожать ей в ноябре — я опять живу с мамой. Не сказать, чтобы мы отлично ладили, однако радостное волнение в связи с рождением ребенка немного нас сблизило. Правда, сейчас нас в основном объединяет поиск альтернативы слову «бабушка» — чтобы не звучало по-старперски. Пока лидирует «Биби», поскольку мама категорически отвергает мою версию «Бабуйонсе».

— Эли может думать и о нескольких вещах одновременно, — замечает Бронвин. — Особенно если поймет, насколько ты встревожена.

— И ничуть я не встревожена, — не отрывая глаз от экрана, возражаю я, впрочем, приглушенно, потому что кусаю костяшки пальцев.

Джейк завершил речь и теперь отвечает на вопросы школьников.

Мальчик, сидящий в первом ряду, интересуется:

— Какая в тюрьме еда?

— Если вкратце... отвратная, — выдержав театральную паузу, выдает Джейк, и все смеются.

— Ты видишься с родителями? — выкрикивает девушка.

Камера резко перемещается, и в кадре мелькают медные кудри другой слушательницы. Такие же, как у... Нет, наверное, показалось. Хотя вижу, что Мейв тоже немногозначно хмурится.

— Да, правда, реже, чем хотелось бы, — отвечает Джейк. — Мама с папой от меня не отвернулись, их поддержка для меня — все. Надеюсь, когда-нибудь они смогут вновь мной гордиться.

— Буэ-э, — кривится Мейв, но даже в этой ее реплике чуть меньше привычного сарказма.

Да уж, тур покаяния Джейка Риордана чертовски убедителен.

Еще один ученик поднимает руку, и Джейк едва заметно ему кивает, приподняв подбородок. Так он приветствовал друзей в коридорах «Бэйвью-Хай», одной рукой крепко обнимая меня за плечи. Настолько знакомый жест, что пробирает дрожь.

— Если отмотать время назад, что бы ты изменил? — спрашивает паренек.

— Всё! — выпаливает Джейк.

Он глядит прямо в камеру, и я вздрагиваю, как будто он зашел к нам в комнату.

Вот оно.

То, чего я ждала, почему истязала себя просмотром этой передачи. Хочется отвести взгляд, но мне нужно удостовериться, что он по-прежнему есть. Этот огонек в глазах. Он нет-нет да и промелькнет хотя бы раз за интервью. Этот огонек выдает всю злобу, которую Джейк якобы больше не испытывает. Этот огонек означает: *мне ничуть не жаль.*

Он будто говорит: *что я изменил бы? Я сделал бы так, чтобы меня не поймали.*

ГЛАВА 2

Фиби

Понедельник, 22 июня

Явжимаюсь в спинку стула, жалея, что не догадалась надеть худи, хотя на улице градусов двадцать пять, а кондиционера в аудитории «Истленд-Хай» нет. Я ожидала, что здесь будут камеры, но на галерке, где я выбрала место, обычно не сидят те, кто любит задавать вопросы.

Насколько я знаю, Эдди смотрит эти репортажи. Что сказать, если она меня заметит? Как объяснить... такое?

Отрицай, отрицай и еще раз отрицай. Ты в этом спец, Фиби.

— Еще вопросы? — Мужчина, произносивший вступительную речь, встает со стула в первом ряду и подходит к Джейку Риордану. — Давайте еще один — и закругляемся.

Ты действительно сожалеешь?

Есть вероятность, что ты вновь кому-нибудь навредишь?

Что сделало тебя таким?

Я хочу услышать ответы на эти вопросы. Сама я не решусь их задать, однако надеюсь, что осмелится кто-нибудь другой.

Вместо этого какая-то девчонка выкрикивает:

— Суд пересмотрит твоё дело?

Джейк опускает взгляд:

— Я предпочитаю об этом не думать. От меня ничего не зависит. Я просто пытаюсь жить достойно здесь и сейчас.

Вглядываясь в его лицо, я мысленно прошу: *пусть это будет правдой.*

Вместе с доброй половиной одноклассниц одно время я с ума сходила по Джейку Риордану. Когда я поступила в «Бэйвью-Хай», он перешел в одиннадцатый класс и они с Эдди уже считались самой крутой школьной парочкой. Я не раз наблюдала, как эти двое царственно плывут по коридорам, и восхищалась, насколько взросло и сногшибательно они выглядят. Стыдно признаться, но когда они расстались после гибели Саймона Келлехера, я первым делом подумала: возможно, теперь у меня есть шанс сойтись с Джейком? Я даже не представляла, каково приходится Эдди и на что способен ее бывший. Он мастерски прятал свою темную сторону. Как и многие другие люди.

Я понимаю, что Эдди сейчас тяжело. Поговорить бы с ней об этом — поговорить по-настоящему, а не бубнить всякий раз пустые слова поддержки. Вот только не могу. В апреле я сама обрубила все концы, и теперь единственная, кому я могу открыться, — моя старшая сестра Эмма. Которая две недели назад — сразу после выпускного — переехала к нашей тете в Северную Каролину, и если учесть, как часто мои сообщения остаются без ответа, с тем же успехом могла улететь на Луну.

Что сделано, то сделано, сказала она перед отъездом. *У нас были причины так поступить.*

— Прости, прости, пожалуйста, что так опоздала! И спасибо, спасибо тебе огромное! — сбивчиво выпаливаю я, как только, запыхавшись, подбегаю к Иви — одной из новых официанток в кафе «Контиго».

Она у кассы — выдает заказ навынос. Я попросила ее прикрыть меня в начале смены, заранее зная, что не успею вернуться из Истленда вовремя, но таких пробок не ожидала. В итоге я опоздала на час с лишним. Иви торчит в кафе с самого открытия — с десяти утра, так что имеет полное право негодовать.

Как ни странно, она весело мне улыбается. Если когда-нибудь Иви научится разливать свой неизменно позитивный настрой по бутылкам, я стану ее постоянным покупателем.

— Не парься, Фиби, — бросает она, протягивая бумажный пакет одному из наших завсегдатаев. — Я же говорила, что можешь не спешить.

— У врача была жуткая очередь, — бормочу я, извлекая из-под стойки фартук и завязывая тесемки на талии. Затем достаю из кармана резинку и кое-как стягиваю волосы в хвост. Отдельные пряди выбиваются, ну да ладно. Главное — скорость. — Все, я готова. Можешь идти.

— Спокойно, Фиби. Сперва что-нибудь выпей. Ну или к зеркалу наведайся, прежде чем идти к посетителям с таким гнездом на голове, — с ухмылкой советует Иви, накручивая на палец кончик выкрашенной в платиновый блонд косы.

— Что-что? — переспрашиваю я.

Тут из кухни выходит Луис Сантос — бойфренд Мейв — и, отсмеявшись, комментирует:

— Зачетный рог!

— Боже, — выдыхаю я, уловив свое отражение в зеркале на дальней стене. Каким-то образом я превратила себя в чокнутого единорога! Я стаскиваю резинку, поморщившись оттого, что выдрала несколько волосков, и падаю в кресло за стойкой. — Я ходячая катастрофа. Твоя мама, наверное, злится, что я опять опоздала?